

«Я себе пощады не знаю»

МУЗЫКА

В наступившем году великий музыкант Евгений Светланов отмечает двойной юбилей: 50-летие композиторской деятельности и 30-ю годовщину художественного руководства Государственным академическим симфоническим оркестром России.

Моск. новости. — 1995. — 8-15 сев. (н.п.) — с. 18

Евгения Светланова называют человеком Ренессанса. По масштабу и разносторонности дарования — композитор, дирижер, пианист. По титанической работоспособности — помимо Госоркестра России, он возглавляет Королевский оркестр Голландии, постоянно выступает с ведущими оркестрами Лондона, Парижа, Стокгольма, Вены. По многообразию увлечений — он прекрасно поет, рисует, пишет стихи и профессионально разбирается в футболе...

— Сочинительские поползновения, — вспоминает маэстро, — начались у меня в 6—7 лет, подражательные опусы били, как вода в фонтане, но начало серьезного отношения к творчеству я датирую январем 1945 года. Мне было 16 лет, и я занимался фортепиано в училище Гнесиных.

— Кто вам ближе всего из современных композиторов?

— Может быть, я покажусь отъявленным консервативным, но я этого не боюсь, наверное, так и есть, каждому свое. Истоки собственного творчества я вижу в первую очередь в музыке Мясковского, мне ближе всего та тенденция, что воплотилась в сочинениях моего учителя Шапорина, композиторов Анатолия Александрова, Гавриила Попова, Шебакина, Ракова, Голубева, Галынина, Щедрина, Эшпая. Я люблю мелодику, широкую, красивую, которая трогает душу. Люблю сочную, хорошую гармонию. Обожаю полифонию. Русского склада.

— Чем вы объясняете свой консерватизм?

— Воспитанием. Жизненным опытом, благодаря которому получилось так, что одно я люблю больше, другое меньше, что-то не принимаю. В частности, не могу согласиться с тем, что к таким композиторам, как Шнитке, Денисов, Губайдулина, применяют понятие авангарда. Все они очень талантливые люди, но на мой, субъективный, взгляд, не открывают, а замыкают на течение, которое возникло гораздо раньше. Уже была нововенская школа, новая польская школа, ярчайшие образцы авангардизма в музыке дали наши композиторы 20-х годов — Мосолов, Рославец и другие.

— Ваш дипломный дирижерский концерт включал произведения Рахманинова, Мясковского и Равеля. Можно ли считать его прологом вашей исполнительской программы?

— Действительно, в нем были заложены определенные ориентиры. Давать концерты, конечно, очень важно. Но кроме непосредственного эмоционального общения с публикой, я ставил перед собой главную задачу — записать всю русскую симфоническую музыку. В 1990 году я закончил эту работу, на которую ушло четверть века. Второй задачей была для меня запись всех оркестровых сочинений Мясковского, а их 39. В 1992 году мне удалось завершить и это. Сейчас у меня руки развязаны, и я всецело отдаюсь музыке Малера. Я блаженствую. Живу в этой музыке, она для меня все на свете — утешение и радость.

— Но Малера при жизни считали прекрасным дирижером, а композиторские его достижения не очень цтили.

— Совершенно верно. Петр Ильич засвидетельствовал его дирижерский дар, заметив, что в немецком городе, где поставили «Онегину», абсолютно гениальный маэстро. Малер работал капельмейстером в опере и писать музыку мог только летом, в отпуске. Он создал 10 симфоний, поразительные, феноменальные полотна. Умер 51 года от изношенного сердца, сгорел, так и не получив признания. Зато сейчас музыку Малера весь мир слушает стоя.

Хотя меня считают специалистом по русской музыке, и я этого не отрицаю: лучше быть специалистом в чем-то, нежели ни в чем, — музыка Малера близка мне, ибо она интернациональна благодаря своей яркой национальности. В ней как бы подтожджена немецко-австрийская культура, воплотился весь путь, пройденный западноевропейской музыкой, и, должен сказать, в ней очень много общего с русской музыкой. Например, со Скрябиным, Рахманиновым, даже с Римским-Корсаковым.

— Как проявляется национальное начало в музыке, в частности в русской?

— Не только в русском, или, как говорил

Гоголь, «сарафанном», колорите, хотя и такое возможно. Широко известны слова Глинки, что музыку создает народ, а композиторы ее только аранжируют. В этом есть доля истины. Но Скрябин, к примеру, не использовал никаких русских тем. Однако он великий русский композитор.

— В своей книге «Музыка сегодня» вы оперируете понятием «Большая Музыка». Большая Музыка — для кого она, для всех или для посвященных?

— Это самый кардинальный вопрос. Мне уже под 70 катит, и я прихожу к выводу, что Большая Музыка, несмотря на некоторый прогресс, была и остается все-таки делом весьма избранной аудитории. Не хочу сказать — элитной. У нас такой нет. Но и на Западе тоже пестрая публика, а любителей, настоящих фанатиков — я бы уподобил их в хорошем смысле сектантам — немного. Эти люди веруют в музыку, служат ей, она часть их духовного существа. Количество таких слушателей и у нас выросло. Как мы ни ругаем советскую власть, а людей, преданных музыке, стало больше.

— Вы имеете в виду дневные концерты для молодежи, которые проводили в Большом зале, «шефские», как их называли, выступления в депо Сортировочная?

— Дневные концерты проводятся по-прежнему, только я, к сожалению, от них отошел в силу сверхзагруженности. Это самые светлые воспоминания в моей творческой жизни. На концерты собиралась специфически чуткая аудитория, и мы играли, как говорил Шостакович, все — от Баха до Оффенбаха. Депо Сортировочная было одним из «объектов» нашей общественной деятельности. Там тоже было очень радостно, публика непосредственная, люди приходили слушать нас в обеденный перерыв. Сейчас все это исчезло, жалко, конечно, но в нынешней сумятице естественно.

— Есть ли у вас своя публика?

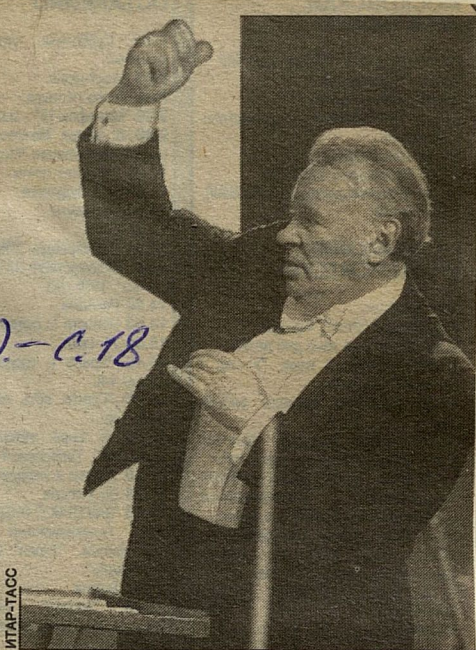
— Когда меня назначили главным дирижером оркестра, а до этого я десять лет был как бы его постоянным гостем, совмещая это с работой в Большом театре, директор Большого зала Ефим Борисович Галантер предупредил меня, чтобы я не огорчался, если на первых порах зал, допустим, не будет полным. Публику, сказал он, «нужно делать, завоевывать». Я эти слова очень хорошо запомнил. Но не шел ни на какие компромиссы, зазывая публику в зал. Я проводил свою репертурную линию, считая, что наряду с русской и западной классикой необходимо показывать современную отечественную музыку: забытые симфонии Шостаковича (Вторую и Третью), Мясковского. Могу сказать, что своя публика у меня есть. И я счастлив.

— Какими вы видите взаимоотношения дирижера и оркестра?

— В начале пути я был, как вам сказать, довольно смелым, если не нахальным. Был более самонадеянным. Мало подвергал сомнению то, что делал. В отношениях с музыкантами иногда срывался. Редко, но переходил грань дозволенного. С годами, слава Богу, все это ушло. Я стал гораздо строже к себе, в первую очередь обращаю внимание на собственные промахи. И в отношениях с музыкантами я теперь намного мягче, ровнее, добрее, но оттого не менее требовательнее. Мне рассказывали, что великие дирижеры Караян и Бернштайн ни разу в жизни не повысили голос на оркестр. И добивались всего. Музыканты были их друзьями, единомышленниками. Вот это идеал.

— А ваши отношения с музыкой? Прав ли Стравинский, запрещая что-либо менять в партитуре, или те, кто утверждает, что воспроизведение — это второе творение?

— Я бы занял здесь позицию середняка. Стравинский, безусловно, прав в том, что к партитуре надо относиться свято. Для меня это бесспорно. Но если ограничиться одним доскональным изучением авторских предписаний, музыка получится мертворожденной. Ее надо пропустить через свой мозг и сердце, чтобы она, неискаженная, все-таки стала твоей. Чем больше я дирижирую, тем больше мне кажется, что я не достиг того, к чему стремился. Находился где-то близко. Случаи полного удовлетво-

рения своей работой чрезвычайно редки. Это закономерно, ибо не позволяет успокаиваться. Буквально сегодня утром я прочитал у Святого Марка, что путь к совершенству — постоянное недовольство собой.

— Вы читаете по утрам Евангелие?

— Иногда по вечерам.

— До работы с госоркестром вы 10 лет возглавляли оркестр Большого театра. В чем вы видите причину нынешних бед театра?

— Беды начались давно, и винить в этом кого-то персонально я бы не стал. Несчастье в общем модусе жизни, которое в Большом особенно заметно, потому что он — Большой. Это утечка выдающихся исполнителей. В Мариинском театре сумели найти органическое сочетание зарубежных гастролей и творческой жизни на родине, и театр идет наверх. В Большом этого найти, к сожалению, никак не могут. Сулят контрактную систему, напрокат взятую с Запада, но затрудняюсь сказать, как это приживется у нас. Как бы не стало хуже. В нашем оркестре контрактной системы нет, мы не считаем нужным ее вводить.

— На какие средства существует ваш оркестр?

— В это трудное время, когда на культуру нет денег, директор оркестра, к счастью, нашел спонсора — Народный коммерческий банк, благодаря которому мы живем и работаем. Какую-то дотацию получаем от Министерства культуры.

— Вы часто выступали с музыкантами, чьи имена стали легендой, — с Давидом Ойстрахом, которому посвятили Поэму для скрипки с оркестром, Святославом Рихтером, Леонидом Коганом, Эмилем Гилельсом. Что это для вас значило?

— Мне посчастливилось играть и с Иегуди Менухиным, Исааком Штерном. В этом отношении судьба меня баловала. Каждый — индивидуальность неповторимая, мне было интересно вызвать их на какой-то доверительный разговор, и не только о музыке. Иногда это удавалось, и эти крупницы мудрости я помню до сих пор. Помимо музицирования, просто общение с ними было величайшим счастьем. Сейчас, когда многих из них нет, особенно остро ощущаешь их незаменимость.

— Как вы относитесь к понятию «художник-гражданин»?

— Я хотел бы отделить это почетное звание от другого его предомления: художник-политикан, то есть человек, всплывающий на поверхность, делающий на этом фоне себе карьеру и заставляющий лишний раз о себе говорить. Вот это мне крайне несимпатично, да и зыбко все это, временно.

— Какие человеческие качества вам, наоборот, симпатичны?

— Честность. Безупречная честность в течение всей жизни. Это мало кому удается, но это образец, к которому надо стремиться. Высоко ставлю доброту и щедрость, этого тоже нам не хватает. Мы ожесточены, хотя и не всегда бываем в этом виноваты. Но это не оправдание. Органически не выношу жадность.

— Помогает ли вам критика?

— Да простит меня Бог, но с самого начала, когда я еще читал о себе критические статьи, я не испытывал никакого удовлетворения, даже когда меня хвалили: не видел в этой критике ни мысли, ни глубины. Как сказал Пушкин, самый строгий себе судья — сам творец. Пусть это звучит нескромно, но я себе пощады не знаю.

Ольга МАРТЫНЕНКО

Юбилейный авторский концерт Евгения Светланова в Большом зале консерватории — 13 января.